

**В ПОИСКАХ МОГИЛЫ КОРОЛЯ. НЕМЕЦКИЙ ИСТОРИК КАРЛ ЭРДМАН
ПРОТИВ ОДНОГО НАЦИСТСКОГО МИФА**

А. В. Хряков

**IN SEARCH OF THE KING'S GRAVE. GERMAN HISTORIAN CARL ERDMANN
AGAINST ONE OF NAZI MYTHS**

A. V. Khryakov

Статья посвящена творчеству немецкого медиевиста Карла Эрдмана (1898 – 1945). Эрдман был одним из немногих немецких историков, открыто заявивших о своем неприятии национал-социалистической идеологии. Он не побоялся поставить под сомнение результаты раскопок могилы короля Генриха I в Кведлинбурге, проводимых под контролем всемогущего руководителя СС Генриха Гиммлера. Являясь одним из самых одаренных медиевистов своего времени, Эрдман в итоге из-за своего несогласия с политикой нацистов так и не смог стать профессором университета.

The paper is devoted to the scientific work of the German historian Carl Erdmann. Erdmann was one of the several historians who declared their disagreement with nationalistic ideology in the Third Reich. He had doubt in the results of the excavations of Henry I's grave in Quedlinburg. That excavation was done under the personal control of the strong chief of the Nazi security service Heinrich Himmler. As a result, Erdmann never became a university professor, although he was one of the most talented German specialists in the sphere of the Middle Ages.

Ключевые слова: средневековье, К. Эрдман, Monumenta Germaniae Historica, немецкая историография, национал-социализм, Генрих I.

Keywords: Middle Ages, C. Erdmann, Monumenta Germaniae Historica, German historiography, national socialism, Henry I.

В ходе острых дебатов, развернувшихся в немецкой исторической науке в конце прошлого столетия, центральным стал вопрос о поведении немецких историков в годы Третьего рейха. По своей значимости для самой историографии и всего немецкого общества, сегодняшняя дискуссия вполне сопоставима со знаменитым «спором историков» 80-х гг. XX в. и является логическим продолжением непрекращающегося в послевоенной Германии процесса «преодоления прошлого». В своем большинстве немецкие профессора-историки с воодушевлением восприняли приход нацистов к власти и первые мероприятия правительства Гитлера. После Съезда немецких историков во Франкфурте в 1998 г. жизненный путь и творчество многих историков стали объектами многочисленных исследований. Внимание современных ученых приковано, прежде всего, к различным формам сотрудничества немецких историков с властью, мотивам их соглашательского поведения, а также последующей практике замалчивания отдельных моментов собственной биографии. Один из активных участников современного спора, немецкий историк Петер Шёттлер, имея в виду неспособность исторического сообщества Германии к сопротивлению нацистской идеологии и практике, неутошительно констатировал: «немецкого Марка Блока не существовало» [18, s. 11].

Тем удивительно практически полное отсутствие интереса со стороны профессионального сообщества к имевшимся немногочисленным случаям духовного сопротивления, продемонстрированным представителями немецкой исторической науки. Практически все известные нам примеры открытого выражения немецкими историками своего несогласия с преступной политикой нацистов относятся к поведению молодых

ученых, слабо инкорпорированных в структуру немецкого научного истеблишмента. Сама структура немецкого университета, практика воспроизводства академического сословия и занятия профессорских должностей способствовали достаточно быстрой и безболезненной «унификации» этих «бастионов немецкого духа». Но помимо разветвленной сети университетов, существовали и другие возможности для организации собственной карьеры, позволявшие профессионально заниматься историей и не требовавшие от ученых сделок с собственной совестью.

Одной из таких организаций являлась Monumenta Germaniae Historica («Исторические памятники Германии») или «Общество для изучения ранней немецкой истории», основанное в 1819 г. с целью поиска и публикации средневековых немецких источников. В научно-политическом ландшафте Германии MGH стала флагманом средневековых исследований, хотя выделявшиеся ей финансовые средства и принципы набора сотрудников скорее говорили о ее низком, по сравнению с университетами, статусе. И если немецкой университетской исторической традиции посвящено бесчисленное количество исследований, то внеуниверситетским учреждениям и, прежде всего, MGH уделялось удивительно мало внимания [3; 14]. Кроме того, существование MGH в годы гитлеровской диктатуры до сих пор находится вне поля зрения специалистов. Вместе с тем, деятельность ученых в рамках данного общества не только отразила основные организационно-политические тенденции развития науки в тоталитарном государстве, но и продемонстрировала нам, такие редкие в те годы, примеры личного мужества, интеллектуальной честности и научной добросовестности.

Мы обратимся к одному эпизоду творческой биографии историка Карла Эрдмана (1898 – 1945), известного немецкого медиевиста, многолетнего сотрудника MGH, о котором Фридрих Бэтген, возглавивший после войны обновленное «Общество», с удивлением констатировал: «чтобы молодой ученый без университетской должности и профессорского звания, занимающий скромное место сотрудника научного института приобрел... огромный авторитет в своей специальности – это в Германии нечастое явление» [6, s. 505].

Карл Эрдман, родившийся в 1898 г. в Дерпте (Тарту), был типичным представителем сословия немецких «мандаринов» – сословия, чья жизнь и социальный статус были напрямую связаны с университетским образованием. Его отец, профессор юриспруденции местного университета умер незадолго до рождения собственного сына. Будущий историк учился в университетах Берлина, Мюнхена, Вюрцбурга. В отличие от своих сверстников, Эрдман по причине слабого здоровья не участвовал в сражениях Первой мировой войны. После трехлетнего пребывания в Лиссабоне в качестве домашнего учителя, немецкий историк защитил в 1925 г. свою первую диссертацию, посвященную распространению идей крестовых походов в Португалии [8]. Одним из первых, заслуги Эрдмана в качестве первооткрывателя средневековой Португалии для исторической науки Германии, отметил Пауль Кер (1860 – 1944) – многолетний президент Monumenta Germaniae Historica, предложивший молодому ученому место в Прусском историческом институте в Риме.

Летом 1932 г. Эрдман защитил в Берлинском университете свою вторую диссертацию, представив в качестве текста часть своей будущей книги о крестовых походах [9]. Защита дала ему право преподавать в университете и открывала широкие возможности для продолжения академической карьеры. Но с приходом в следующем году к власти в Германии Гитлера и национал-социалистов, все кто знал К. Эрдмана, с уверенностью могли предсказать, что это лишь вопрос времени, когда историк столкнется с чуждым ему движением. Эрдман никогда не делал тайны из своих убеждений, и о них было хорошо известно не только его друзьям, но и властям.

Эрдман не раз демонстрировал свою независимость и нежелание поступаться принципами, даже когда речь шла о материальном благополучии и общественном положении. Так, в 1934 г. он был приглашен занять кафедру в университете Франкфурта, освободившуюся после отстранения от преподавания Эрнста Канторовича (1895 – 1963). Но когда К. Эрдман узнал о причинах увольнения автора знаменитого «Императора Фридриха II», то выдвинул руководству университета условие – он согласится занять освободившуюся кафедру только в том случае, если ему дадут возможность поддержать еврейского историка и высказать студентам свое мнение об их бойкоте, устроенном в отношении заслуженного историка [20, s. 86]. Начальство сочло данное требование невоз-

можным, после чего дорога к профессорскому званию во Франкфурте для Эрдмана была закрыта.

С 1934 г. К. Эрдман работал в Monumenta Germaniae Historica в отделе «epistola». Работа в MGH оплачивалась очень скромно, а большинство исследований выполнялось на грантовой основе, что делало службу в стенах этого уважаемого учреждения совершенно не престижной среди выпускников университетов и молодых докторов, стремившихся, прежде всего, к университетской карьере. Это привело к тому, что данная организация могла принять под свое крыло многих из тех, кому была закрыта дорога в университеты, в том числе евреев, женщин и политических оппонентов власти.

Главные работы Эрдмана, вышедшие во второй половине 30-х – начале 40-х гг. XX в. и привлекающие внимание современных специалистов соединением «патриотических убеждений с научной честностью» [19, s. 205] были посвящены такой политически актуальной фигуре немецкого прошлого как король Генрих I [11; 12; 13]. Еще до прихода к власти, нацисты активно проводили процесс приватизации немецкого прошлого, используя его для легитимации собственных властных притязаний. Как и многие другие члены нацистской верхушки, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер крайне чутко и заинтересованно относился к истории и, прежде всего, первобытной и раннесредневековой. Он рассматривал исторические занятия как важное средство для историзации национал-социалистического настоящего, стремился пропитать его древностью, придать ему историческое достоинство. Современные авторы отмечают присущее Гиммлеру «циклическое понимание истории», в основе которого лежала теория «вечного возвращения». Согласно ей прошлое, настоящее и будущее не являются самостоятельными периодами мировой истории, а связаны между собой настолько, что теряют свою индивидуальность и становятся принципиально неразличимыми и взаимозаменяемыми [16, s. 18; 17, s. 245 – 251]. Прошлое в таком случае должно служить целям настоящего, которое в свою очередь, само должно стать образцом для последующих поколений.

В отличие от соратников по партии, интерес Гиммлера к истории был ориентирован практически, он не только интересовался германскими древностями, но и сам «изобретал традиции», используя для этого как символы и образы настоящего, так и исторические реликвии, и памятные места. Помимо установления новых общегерманских памятных дат 9 ноября и 30 января и 20 апреля, призванных увековечить память о героическом прошлом национал-социалистического движения, Гиммлер обратился к формированию новой орденской мифологии, подчинявшихся ему охранных отрядов (СС).

Для подразделений СС, Гиммлер намеревался создать квазирелигиозные священные места поклонения, используя в качестве основы разнообразные германские погребения – доказательства величия немецкого прошлого. В связи с этим он придавал большое значение изучению немецкой древности и осуществлению археологических раскопок в исторически зна-

чимых для Германии местах. Шеф СС находился под влиянием таких скандально известных археологов, псевдоученых, не обладавших ни соответствующими знаниями, ни научной репутацией как Карл Мария Вилигут из Австрии, марбургский историк Герман Вирт и германист Вильгельм Тойдт [5]. В эсесовском журнале «Das Schwarze Korps» регулярно сообщалось о результатах раскопок и публиковались развернутые сообщения по общим вопросам истории и археологии.

В историософских представлениях Гимmlера, немецкий король Генрих I (919 – 936) занимал одно из центральных мест, наряду с Арминием и Видукиндом. Эти личности воплощали для него непрерывный континуитет германского образа жизни и мировосприятия, кроме того, они же воплощали собой и борьбу немецкого народа с чужеродной римской католической церковью, выступая против ее вмешательства во внутренние дела Германии. Генрих I являлся для нацистов безупречной исторической фигурой, с помощью которой можно было легитимировать собственные экспансионистские устремления, прежде всего, на Востоке Европы. По мнению современного историка Франка Лотаря Кролла, немецкий король Генрих I был для рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера «самым ранним сторонником немецкой ориентации на Восток» [16, s. 239]. К тому же, его образ в качестве «основателя первого немецкого национального Рейха» очень удачно коррелировался с образом Гитлера как «основателя Третьего рейха», связывая тем самым древность и современность воедино.

Летом 1936 г. в рамках проводимых мероприятий, посвященных празднованию тысячелетней годовщины смерти Генриха I, в городе Кведлинбург начались раскопки с целью отыскать могилу короля. Но празднование 2 июля 1936 г. смогли провести лишь на месте предполагаемого захоронения, так как к моменту торжеств останки короля так и не были найдены. Сам рейхсфюрер в своем выступлении признал: «Останки великого немецкого вождя больше не покоятся в месте их захоронения. Где они, мы не знаем» [15, s. 17 – 18]. Но уже через год в июне 1937 г. руководитель раскопок оберштумфюрер СС, доктор Рольф Хёне через нацистскую печать сообщил о собственном успехе. Царственные скелеты были найдены под местом предполагаемого захоронения, которое было пустым. Их местонахождение позволило предположить, что это и есть кости короля. По словам Г. Вэзера, который опрашивал после войны сотрудников местного музея, доктор Хёне в ходе своих поисков раскопал довольно много гробниц вблизи предполагаемого места захоронения и в одной из них обнаружил два черепа, один из которых он и идентифицировал как останки короля Генриха I [21, s. 53].

Охранные отряды контролировали проводимые в Кведлинбурге археологические изыскания и все торжественные мероприятия. Город был превращен не в национальное, а исключительно в эсесовское «место памяти», церковная община города была изгнана из храма, а церковные службы прекратились. «Праздник Генриха» стал проводиться регулярно. Обычно в ночь с 1 на 2 июля на могиле короля, охраняемой почет-

ным караулом СС, проходил митинг и факельное шествие. Могилу использовали в том числе, и для посвящения в «орден» новых членов [7].

Вне всякого сомнения, эсесовский миф о Генрихе I носил ярко выраженный антихристианский характер. Почитание германских предков и проведение манифестаций в местах их погребения были призваны стать атрибутами новой псевдорелигии, а главной заповедью бы являлось сохранение расовой чистоты, доставшейся современным немцам в наследство от германцев. И фигура короля Генриха была здесь очень кстати. Его национал-социалистический образ носил в себе не только экспансионистские черты первооткрывателя восточной немецкой политики. В глазах Гимmlера женитьба короля на Матильде, правнучке саксонского вождя Видукинда, делала его духовным и биологическим наследником великого дела борьбы с засильем расово чуждой католической религии. Антихристианский характер деятельности Генриха I подкреплялся также его отказом в момент своей коронации в 919 г. принять помазание от католического епископа [15, s. 13].

В 1937 г. К. Эрдман, нашел в собрании одного антиквара документ XVI столетия с названием «Кведлинбургская хроника», приобретенный в последующем государственной библиотекой в Берлине. Среди прочего хроника сообщала о погребении короля Генриха I. Заинтересовавшись этим вопросом, немецкий медиевист встретился в Кведлинбурге с доктором Р. Хёне, который сообщил ему о своих планах представить результаты раскопок в печати. Несмотря на то, что археолог лишь отчасти был знаком с письменными источниками, Эрдман подтвердил его первенство в данном вопросе и передал ему свои материалы. Он также просил не ссылаться на него, так как он уже подвергался нападкам со стороны нацистской прессы. «Его публикацию я жду с большим скепсисом, – написал он своему другу историку Телленбаху, – я был ненавязчив и не спросил об останках Генриха I, но мое общее впечатление не очень приятное» [20, s. 90].

В отличие от нацистских археологов, немецкий историк целиком и полностью основывался на письменных средневековых источниках, а также описаний уже проводившихся поисков в XVIII и XIX вв. В самом начале своей работы Эрдман предупреждает, что его работа выполнена независимо от раскопок, проводимых в Кведлинбурге. Надо сказать, что сохранилось несколько упоминаний об изначальном месте погребения германского короля Генриха I, его жены Матильды и их внучки аббатисы Матильды. Титмар Мерзебургский пишет: «Проявив на протяжении своей жизни многочисленные достоинства, в 16-й год своего правления, на 60-м году жизни, 2 июля в Мемлебене, он (Генрих) умер, был похоронен в основанном им самим Кведлинбурге, и заслуженно оплакан всей знатью» [4, с. 14]. Более точное свидетельство оставил Видукинд Корвейский: «Правил [Генрих] в течение 16 лет, а прожил 60. Сыновья перенесли останки его в город под названием Кведлинбург и похоронили в церкви св. Петра перед алтарем под стенами и плач многочисленной толпы» [1, с. 151 – 152].

Через тридцать два года, в 968 г. рядом с королем была погребена его супруга Матильда: «Вслед за этим 14 марта ушла из жизни святая Матильда, доверчиво вернув обратно Богу, своему творцу, дух свой. Похоронили ее перед алтарем епископа Христова Сервация, рядом с ее супругом, ибо при жизни она его очень любила и с ним же постоянно, пока была жива, умоляла соединить ее и в смерти» [4, с. 24]. Наконец «Кведлинбургские анналы» сообщают о погребении аббатисы Матильды: «Под горький плач и рыдания своих людей она была погребена посреди базилики святых Петра и Стефана, рядом с могилами королей, своих деда и бабушки, Генриха и Матильды, чтобы счастливо ожидать там дня будущего воскресения» [2, с. 56]. «Ее похоронили в церкви в изголовье ее дедушки короля Генриха» – уточняет Титмар [4, с. 62].

Нацистские археологи буквально дословно следовали этим свидетельствам. Эрдман же впервые обратил внимание на тот факт, что собор неоднократно перестраивался и, современное здание было воздвигнуто, хоть и на старом месте, но значительно позже в промежутке между 1070 и 1129 гг. В это время саркофаги с царственными телами могли перенести в специально построенный склеп и, кроме того, согласно канонам того времени в церкви была построена так называемая «confessio» – крипта под алтарем с реликвиями святого, небесного покровителя храма. Эрдман даже удивляется, почему на тот факт, что саркофаги были перенесены, никто не обратил внимания [10, s. 81].

Кроме того, на этом строительные работы в храме не прекратились, причиной чему послужила напряженная религиозная история Германии, связанная с реформой Лютера. Опираясь на обнаруженный текст хроники XVI в., немецкий историк заявил, что в ходе развернувшейся в годы Реформации борьбы с культом святых мощей, «confessio» была засыпана вместе со всеми погребениями, а все кости были собраны и помещены в один из сохранившихся саркофагов. Кроме того алтарь был переставлен на новое место, как раз на место погребения одного из местных святых. Наконец, в завершение всего этого, как бы издеваясь над будущими археологами, в XVIII в. на место перед новым алтарем, была перенесена мраморная плита, прежде указывавшая на место королевского погребения. Вся запутанность и сложность картины стала понятна в ходе раскопок 1869 г. и 1878 г., с этого момента как пишет Эрдман: «никто не сомневался, что гроб короля потерян» [10, с. 96]. В заключение своей работы, не скрывая иронии, берлинский историк пишет: «Что же здесь на самом деле найдено, надо надеяться покажет публикация о раскопках 1936 г.» [10, с. 96 – 97].

Из рассуждений немецкого историка следовало, что почетный караул эсесовцев был выставлен, совсем не там где изначально находились царственные останки. Получается, что свои ритуалы поклонения члены «Ордена СС» проводили на могиле... христианского святого. Не понятно, насколько публикация К. Эрдмана способствовала отказу Хёне от обнаружения результатов собственного исследования, но

так или иначе в 1942 г. археологические изыскания в Кведлинбурге были полностью прекращены.

Плодотворная научная деятельность Эрдмана была прервана в 1943 г., когда он, несмотря на слабое здоровье, был призван в действующую армию. Немецкий историк в отличие от большинства своих коллег по историческому цеху никогда не питал иллюзий относительно перспектив войны, развязанной Гитлером, считая ее несправедливой и бесперспективной, понимая еще в самом начале, к какой катастрофе она приведет. К. Эрдман был направлен в Албанию, в качестве переводчика с итальянского. Он умер во время отступления германской армии с Балкан 5 марта 1945 г. после тяжелой болезни, по всей видимости, от воспаления легких [6, s. 518].

В своем последнем письме сестре он писал: «Я завершил свой удел и все еще остающийся остаток жизни воспринимаю без страха и надежды. Я больше не рассчитываю на возвращение в Германию... Но одновременно, я могу быть уверенным, что осознание этого возвысило и освободило меня. Я более чем прежде открыт для всех переживаний и благодарен за все, что день мне приносит. Как настоящий гуманист нужно и конец жизни приветствовать и философски уметь умереть... Так как судьба дала мне возможностью добиться того, на что я теперь с удовлетворением могу взирать, я не противлюсь такому концу. В конечном итоге, только в сравнении со смертью обнаруживается, действительно ли мы верим в свои идеалы или нет...» [6, s. 518].

Лежащая в основе немецкого историзма, гуманистическая идея проявилась ярко не только в научных трудах К. Эрдмана, но и в его поступках. Философия историзма предполагала, что именно точное объективное знание, опирающееся не на фикции и мифы, а на источники, должно играть главную роль в становлении гуманистически образованного человека. Следуя своим гуманистическим убеждениям, немецкий историк ратовал за общественно-активный и как следствие политически-ответственный и открытый вариант поведения человека науки. И своей задачей ученый-медиевист считал защиту средневековья от притязаний со стороны многочисленных любителей и псевдоученых, стремившихся с одной стороны, преуменьшить роль античности и христианства в истории средневековой Европы, а с другой, подчеркнуть ее германскую сущность, якобы сохранившуюся вплоть до современности. Конечно, нельзя назвать К. Эрдмана немецким вариантом Марка Блока, но любовь к истинному, а не «изобретенному» средневековью, любовь к своему Отечеству и верность собственным гуманистическим идеалам ставят его в один ряд с великим французским историком.

Литература

1. Корвейский В. Деяния саксов / вст. ст., пер. и ком Г. Э. Санчука. М.: Наука, 1975.
2. Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X – XI столетий. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.
3. Мэртль К. Monumenta Germaniae Historica: взгляд изнутри // Средние века. Вып. 58. 1995. С. 95 – 111.
4. Титмар Мерзебургский. Хроника: в 8 кн. 2-е изд., исправл.; пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2009.
5. Ackermann J. Heinrich Himmler als Ideologe. Göttingen, Zürich, Frankfurt: Musterschmidt, 1970.
6. Baethgen F. Carl Erdmann. 1898 – 1945 // Baethgen F. Mediaevalia. Aufsätze. Nachrufe. Besprechungen. – Stuttgart: Hiersemann, 1960.
7. Bulach D. Quedlinburg als Gedächtnisort der Ottonen. Von der Stiftgründung bis zur Gegenwart // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 48. 2000. P. 101 – 118.
8. Erdmann C. Der Kreuzzugsgedanke in Portugal // Historische Zeitschrift. Bd. 141. 1930. P. 23 – 53.
9. Erdmann C. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935.
10. Erdmann C. Das Grab Heinrichs I. // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 4. Jg. 1940.
11. Erdmann C. Beiträge zur Geschichte Heinrichs I. (I–III) // Sachsen und Anhalt. 16. 1940. S. 77–106.
12. Erdmann C. Beiträge zur Geschichte Heinrichs I. (IV–VI) // Sachsen und Anhalt. 17. 1941–1943. S. 14–61.
13. Erdmann C. Die Burgenordnung Heinrichs I. // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 6. Jg. 1943. S. 59–101.
14. Fuhrmann H. «Sind eben alles Menschen gewesen». Gelehrtenleben im 19. und 20. Jahrhundert. Dargestellt am Beispiel der Monumenta Historica Germaniae und ihrer Mitarbeiter. München: Beck, 1996.
15. Himmler H. Rede des Reichsführers SS im Dom zu Quedlinburg. Am. 2. Juli 1936. Berlin: Nordland Verlag, 1936.
16. Kater M. Das „Ahnenerbe“ der SS 1935 – 1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1974.
17. Kroll F.-L. Utopie als Ideologie. Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich. Paderborn: F. Schoeningh, 1999.
18. Schöttler P. Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918 – 1945. Einleitende Bemerkungen // Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.
19. Schreiner K. Führertum, Rasse, Reich. Wissenschaft von der Geschichte nach der nationalistischen Machtgreifung // Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
20. Tellenbach G. Aus erinnerter Zeitgeschichte. Freiburg im Br.: Wagner, 1981.
21. Wäscher H. Der Burgberg zu Quedlinburg. Geschichte seiner Bauten bis zum ausgehenden 12. Jahrhundert nach den Ergebnissen der Grabungen von 1938 bis 1942. Berlin: Henschelverlag, 1959.

Информация об авторе:

Хряков Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, alexchrjakov@yandex.ru.

Alexander V. Khryakov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Word History, Omsk State University.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2014 г.